

Всем родителям посвящается

Моё ДЕТСТВО

Мария Зенкова

Мария Зенкова
Моё детство. Всем
родителям посвящается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144059

ISBN 9785449368928

Аннотация

Большая просьба ко всем читателям не разыскивать среди этих рваных предложений исторические факты. Возможно, что-то похожее происходило где-то когда-то, но то, что в итоге вылилось на эти страницы – плод танцующей фантазии автора. Книга о детстве, о любви, о боли. Книга-слезы, книга-исповедь, книга-благодать.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Моё детство
Всем родителям
посвящается**

Мария Зенкова

© Мария Зенкова, 2018

ISBN 978-5-4493-6892-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Как же сложно изживать из себя детство. Как мучительны разговоры с собственным сознанием. Как бескомпромиссна, бывает память.

Наташе было семь лет. Накануне выпускного вечера в детском саду весь вечер звонил отец. Мать нервничала, родственники, которые приютили их на время, боялись. Наташа взяла телефонную трубку, отец сказал, что завтра на празднике заберет её. Родители развелись уже несколько месяцев назад, но существование на одной территории безжалостно сжигало всё, что оставалось ещё от 10 лет брака. Они делили квадратные метры, скудное совместножитое и детей заодно. С криками, драками, бескомпромиссно.

На утренник он действительно пришёл. Кажется, это был единственный раз, когда отец появился в детском саду. Во всяком случае, других Наташа не могла вспомнить. А тот день запомнила навсегда. Так странно устроена память.

Он пришел, казалось с добром. Забрал её и мать. Они долго гуляли вокруг дома. Отец хотел вернуть их в семью, но мать не сдавалась. Слишком хорошо помнила удары, оскорбления и унижения. Слишком хорошо знала отца, чтобы надеяться на перемены. Ему удалось довести их лишь до подъезда. Он стал тащить силой, мать кричать. Он пытался ударить, мать увернулась. Наташа дралась и плакала, как

всегда просила его отступить. Им удалось убежать, отец почему-то не стал догонять. А вечером он выпил бутылку водки, сложил все мамины вещи в ванну, облил их бензином и поджог. Потом, кажется сам, вызвал пожарных. Кто-то позвонил в милицию.

Его посадили на 8 месяцев.

Милый, тихий шепоток сознания. Не сразу понятно, утро уже или еще можно никуда не спешить. Скромная зимняя темнота в окне не торопится делиться тайнами. Как хорошо, что ни о чём не нужно думать. Как хорошо, что всё решено и продумано до мелочей. Как приятно это уютное однообразие. Как тепло сердцу от того, что двое самых близких сопят обнявшись. Какие же они всё-таки одинаковые? И как здорово, что завтра суббота. Обычная, спокойная, ровная и одинаковая суббота. Как здорово, что мы разрешили себе вот так растворяться друг в друге и удовольствие, останавливать время в выходные и доверять лишь собственным желаниям. Как хорошо, что мы запретили себе бежать в эти дни, пытаться все успеть, уставая друг от друга и от этой рваной суеты.

Удивительно, как быстро мысли умеют заполнять пространство в тебе. Казалось, только что проснулась пустая голова. Но единственная утренняя мысль о завтраке уже потянула за собой сотни подружек, одетых на самый разный лад. С добрым утром, мир! С добрым утром, семья!

Спасибо, Господи, что мы есть!

Наташа взглянула на будильник и поняла, что он вот-вот зазвонит, а значит, разбудит своей трелью мужа и ребенка, который привычно досыпает в родительской кровати. Легкими шагами она вышла из спальни, на ощупь добрела до кухни и зажгла свет. Слегка улыбнулась сама себе, и волна тихого счастья разлилась внутри «всё это правда!». Как хорошо, что у них, наконец, есть собственный дом. В нём всё пока ещё не совершенно, но несовершенно так, как они мечтали. Какие же это были смешные споры о том, где поставить шкаф и чем занавесить окно. Они всегда быстро обо всём договаривались. Как же долго они мечтали о собственном доме. Сейчас они уверены, что все эти съемные квартиры, каждая из которых потом получила своё прозвище, были не зря. И пусть было не просто, а иногда не оставалось сил бороться с отчаянием, у них всегда было самое главное – любовь. Зато теперь, когда эти метры появились в их жизни, каждый сантиметр дома пропитан счастьем. Они так долго её ждали, что когда переехали, квартира буквально захлебнулась любовью.

Наташа привычно сварила кофе. Насыпала в глубокую чашку мюсли и залила их чуть подогретым молоком и удобно расположилась за рабочим столом мужа. Эта традиция переезжала с ней из квартиры в квартиру. Вечера за компьютер-

ным столом проводил муж, а рассвет встречала Наташа.

Она привычно пробежалась по интернет-закладкам. Заглянула по очереди во все социальные сети, задержалась в ФБ. Убрала за собой и пошла, будить ребенка. Лизавета несколько лет просыпалась одинаково. Сначала лениво потягивалась от материнских прикосновений. Затем с закрытыми глазками залезала к маме на ручки. Они умывались в ванной и только тогда маленькое чудо просыпалось. Неизменно в сад Лизоньку собирала мама. Натягивала белье и одежду, приговаривая ласковые слова. Потом они заплетали французские косы и строили планы на выходные. Эти утренние полчаса заряжали два любящих сердца теплом на целый день. И в этом была бесконечная нежность. От того, что всё, как всегда. Никто никуда не спешит и ничего друг от друга не требует.

К шести годам малышка, конечно, привыкла ходить в детский сад. Но начиналось всё не просто. И невозможность расстаться, и бесконечный московский насморк, который регулярно вносил коррективы в расписание, и мамино чувство вины. А ещё тревога, бесконечная тревога. С причинами и без. Через два месяца, после первого похода в сад Лиза разбила голову. И два розовых шва на детском затылке, конечно, не прибавили маме спокойствия. Но со временем тревога поутихла. Теперь ребенок пересекает порог детского сада, и у мамы включается иное сознание. Дублирующий генератор. Он отвечает за съемочный и творческий процессы.

И в этот момент мама отдыхает. Она вернется снова, но ближе к вечеру. А пока две встречи, подготовка трёх продакшенов, что на будущей неделе и бесконечная теле карусель, без которой невозможно уже представить жизнь.

Удивительно, но самые теплые детские воспоминания у Наташи связаны с бабушкой и поездками к ней в гости. Бабуля жила с дедом и папиной сестрой недалеко от Наташиного города, в небольшом поселке. Добраться до Мегета можно было за час на автобусе, машине или электричке. Последний способ Наташа любила больше всего. Она и через два десятка лет помнила названия станций и тот особенный запах. А ещё – папины шутки. Он всегда прятал билеты, когда заходил контролёр. А потом спрашивал у Наташи: «Где они?». Перепуганный ребенок судорожно оглядывался, искал билеты. И когда контролёр приближался, папа спокойно доставал билеты из своего кармана. И это было очень весело.

Или все те же билеты нужно было переставлять. В те времена в электричках были деревянные скамейки, обшитые чем-то вроде лакированной вагонки. Билетик нужно было вставить в верхнюю щелочку и передвигать вниз по мере приближения к бабушкиному поселку. И это тоже было весело. С папой всегда почему-то было легко и весело. Конечно, если он не пил. Он мог прийти в пятницу с работы, сказать «едем к бабушке». И Наташа уже неслась к телефону,

набирала бабушкин номер, который, кстати, запомнила навсегда. А бабушка за время пока они были в пути, успевала испечь самые вкусные в мире булочки. Всё это было окутано теплом. И сейчас, и тогда Наташа мечтала остановить время и остаться там навсегда.

Бабушка и её семья жили в трёхкомнатной квартире. А неподалеку от неё, скажем в семи минутах ходьбы, у них была прекрасная дача. Сказочная, дача. На участке был дом, в котором потом какое-то время жил отец и его брат. Была баня, гараж с москвичом, который на Наташиной памяти ни разу не ездил. Домики для кур и кроликов. А ещё бабушка мечтала о козе. На участке росло буквально всё, что могла выносить и родить сибирская земля. А под роскошным кустом сирени был уютный диван со столиком. Там все пили чай. Какую же вкусную малину выращивала бабушка! Замечательная была дача. Наташа мечтала выстроить вокруг себя такую же садово-дачную империю. Когда-нибудь потом.

Бабушкина смерть была первой в Наташиной жизни. Она чувствовала её кожей, понимала головой, и очень долго ощущала сердцем. Бабушка умирала от рака. И взрослые, конечно, это понимали. Ей было почти девять, и она ещё не знала, что значит потерять близкого человека.

Восьмого марта они с сестрой и родителями приехали в гости к родным. Бабушка уже не вставала. Детей попросили посидеть с ней. Они читали стихи, рассказывали о школе и о том, что родители, наконец помирились. Бабушка про-

щалась с ними. Потом пришла мама. С ней бабушка тоже прощалась.

Её не стало через 20 дней. Это была настоящая взрослая боль в сердце ребёнка. Потом были похороны и бесконечная скорбь взрослых. Слезы отца и дяди, сильных состоявшихся мужчин. Боль и бесконечная пустота. Когда гроб вынесли из подъезда, взрослые встали вокруг него, чтобы сфотографироваться. Наташу с сестрой тоже поставили рядом с гробом. Брат отца положил на наташино плечо руку и она буквально обожгла ей кожу. В этом прикосновении было столько боли и горечи. В этой теплой руке взрослого мужчины была неподъемная тоска. Так плачет сын о матери. Ей было 55 лет. Наташе казалось, что вместе с бабушкой ушло и её детство.

Через год с небольшим, когда на земле выросла трава и деревья распушили летние ветки. Наташа с родителями и сестрой вновь приехали на дачу. Участок зарос бурьяном, малина выросла, но была червивая. Это было потрясение. Как много, оказывается, значит один человек? Такой сахарный, стройный мир, в который Наташа обожала приезжать в детстве, который казался надежным и незыблемым, рухнул, когда не стало бабушки. Очень важного Наташиного взрослого.

Так странно, но и отец, и его брат, и их сестра, которых помотала по жизни и география и судьба, в итоге поселились неподалеку от бабушкиного дома.

Многообещающее зимнее утро. Москва неспешно просыпается. Собирает на своих ручейках автомобили с ещё сонными водителями. Будоражит тоннели шумными метропоездами. Небо слегка подкрашено голубым, а сегодня чудесно залито розовым. Москва. Разнообразные коробки оживают огненными квадратами. В них только что проснувшиеся тени начинают свой день. Город проснулся.

Наташа очень любит передвигаться по городу автомобилем. Парадокс – но нервное, пробочное, хаотичное московское утро улыбалось ей. Пятьдесят минут, чтобы выключить одно сознание и запустить другое. Пятьдесят минут на то, чтобы достать из недр мысли, отложенные на «потом», и детально обсудить их с самой собой. Принять решения и договориться с собственным ежедневником.

Наташа обожает начало рабочего дня. В гримёрках ещё заспанные ведущие пытаются подружиться со сценарием. И обязательно вставляют пару колкостей в адрес его автора. Гримёры терпеливо рисуют лицо и конструируют причёски. Аккуратно, чтобы не сбить настрой и обязательно угодить этим, как бы небожителям.

В съёмочном павильоне начинается привычная суета. Кто-то устраняет последствия вчерашних творческих поисков. В то время как другие передвигают фонари и декорации, создавая нужную картинку для грядущего съёмочного дня.

Режиссеры и продюсеры, конечно, пьют кофе и немножечко шутят. А Наташа рассказывает мужу о том, с какими словами сегодня их малышка пошла в сад. Так случилось, что совместная работа стала для них привычным делом. Это была уже четвертая компания, которая объединяла их в рабочее время. И познакомились они тоже на съемочной площадке. Наташа была в кадре, муж – выставлял на неё свет. Пигмалеон и Галатея наших дней.

– Друзья, мне совершенно необходимо 6 метром бирюзово-вой органзы.

– Коль, это для сегодняшней съемки?

– Конечно!

– Так почему только сейчас мы об этом узнаем? Реквизиторы не волшебники.

– Наташа, просто эта идея пришла ко мне сегодня глубокой ночью.

– Да, жаль только что органза не пришла вместе с ней.

– Так как быть? Бирюза – это потрясающий акцент для моей композиции. Вот представь...

– Стоп, стоп, стоп. Значит, прямо сейчас отправляй одного реквизитора в магазин тканей. В час мотор с моделями, успеем. Но больше, ни одного каприза. Общение с музами строго в рабочее время. Все пожелания высказываем в разумной временной плоскости. Understand?

– Наташенька – ты прелесть!

Зазвонил мобильный. Наташа судорожно переключивала

бумаги на столе, искала трубку.

– Нашла. Алло.

– О, Наташ, привет!

Звонил отец.

Как мало нужно детям для счастья. И как сложно взрослым ежедневно, ежеминутно давать это своим малышам. Безоговорочная любовь. О ней грезит каждый ребёнок. Он не должен сомневаться в этой любви ни секунды. Знать, что папа с мамой любят его больше всего в мире. Дети падают на пол магазина, устраивают дикие истерики, капризничают по пустякам и всем этим они лишь хотят как можно громче крикнуть своему взрослому: «Скажи, что безоговорочно любишь меня. Скажи, что я самое главное для тебя. Можешь шепотом, но только скажи».

Многие из нас воспринимают собственных детей, как очередной проект. Который, конечно, обязан стать успешным. Чтобы потом рассказать подружкам и, разумеется, предъявить миру по средствам социальных сетей. Роскошные юбочки, штанишки, ультрамодные и супердорогие игрушки, сладости ведрами – всё это мишура. Дети ждут безоговорочной любви. Нет смысла запихивать полный рот конфет или забивать ящики игрушками в надежде, что больше ничего не попросят. Они гораздо проще и умнее нас. Это мы проходим километры по собственному сознанию,

чтобы докопаться до главного. Им хватает секунды, чтобы ощутить дискомфорт и выдать реакцию. Жаль, что они не умеют подсказывать родителям готовые решения. Так было бы гораздо проще всем.

Наташа не слишком часто получала подтверждение безоговорочной любви от своего отца. Чаще она получала опровержения. Но однажды всё в те же семь лет отец, будучи лишенным свободы, передал ей подарок.

Первый раз провожать её в школу приехала любимая бабушка. Она привезла большой носовой платок. А на нём цветными ручками были нарисованы волк и заяц из «Ну, погоди!». Они шли в школу. Ещё на платке было несколько поздравительных слов. Это было очень трогательно. В этом была настоящая безоговорочная отцовская любовь. Наташа хранила подарок. Пока мать со словами «зачем собирать всякую ерунду?» не постирала платок.

– Ладно, пап, побегу работать. Сегодня, как всегда сумасшедшая карусель.

– Да, беги, мужу и Лизоньке привет.

– Хорошо.

Помощник продюсера окликнула Наташу, та обернулась.

– Только что звонили девочки с reseption. К вам кто-то пришёл.

– К тебе, – машинально исправила Наташа.

– Что?

– К тебе, а не к вам.

Наташа страшно не любила, когда ей говорили «Вы», «женщина» и «Тетя Наташа». Поэтому категорически запрещала кому-либо делать это.

– Да, к тебе.

Помощник продюсера посмотрела в блокнот.

– Анна Шабанова. К вам, к тебе, простите, пришла Анна Шабанова.

– Черт! Я про неё совсем забыла.

Наташа всегда всё записывала. В ежедневник, в блокноты, в телефон. Так ей удавалось упорядочить все данные и получить некоторые гарантии, что всё будет сделано в срок. Но иногда информация предательски ускользала от неё или от её ручки.

Анна Шабанова – давняя знакомая Наташи. Кажется, 10 лет назад они работали на одном канале. Наташа – редактором, Анна – корреспондентом. Потом их пути разошлись. Наташа ушла в декретный отпуск, Анна – в свободное плавание.

– *Интересно, что ей от меня понадобилось? В рабочее время, посреди недели,* – рассуждала Наташа, спускаясь с 20 этажа на лифте.

– Анечка, привет!

– Привет, дорогая!

– Ты меня пугаешь!

– Чем это?

– Тем, что, во-первых, про меня вспомнила. А, во-вторых, приехала на работу. Что-то стряслось?

– Ну, разумеется! Не соскучилась же я по тебе. В наше время, сама знаешь, всем ото всех что-то нужно.

– И? Чем я могу быть полезна тебе?

– Наташка, ты должна мне дать интервью.

– Чего?

– Того.

– О том, как не убить народонаселение в первые минуты после пробуждения?

– Типа того.

– Ну, правда, Ань.

– Так, ты мне сначала скажи, сколько у нас времени?

– Ни сколько.

– Понятно. Тогда где у вас здесь пьют?

– Вообще-то у нас не пьют. В рабочее время. Хотя нет, пьют, но не все, что радует.

– Нет, я про приличные напитки. Чай, кофе.

– Ах, это! Этого у нас полно. Идем в кафе. Сейчас только сделаю тебе пропуск.

Наташа на минуту отошла в бюро пропусков. Аня воспользовалась паузой и заглянула в свой ежедневник. По дороге в Наташин офис она сформулировала и нацарапала в кожаном блокноте несколько аргументов, против которых

приятельница, конечно, не должна была устоять.

– Ань, только давай договоримся, строго по существу и очень быстро. Ответ обещаю дать молниеносно. Ок?

– Поняла. Все будет быстро и по сути.

Девушки двинулись по коридору делового центра в сторону лифтов.

– Как дела то?

– Всё хорошо.

– Ты, кстати, где сейчас работаешь?

– В журнале «сложные люди».

– Ого. Это для него я должна тебе дать интервью?

– Именно.

– Тогда меня строго на обложку, как самую сложную лодю.

– Слово смешное.

– Это так мой ребенок говорит. Я у нее спрашиваю: «Ты что из конфет, такая сладкая?». А она мне: «я из людей».

– Чудо. Сколько вам уже?

– Седьмой год. Скоро в школу.

– Не продолжай... Я как представлю.

– Да ладно, интересно же. У меня, например, есть зыбкая надежда, что со второго раза химия с физикой ко мне проникнутся.

– Ключевое слово зыбкая?

– Ага. Это такой второй шанс, получить среднее образова-

ние. Просто я не заслуженно пренебрегла некоторыми участками школьных учений. О чем, как ты понимаешь, теперича жалею.

– Ты знаешь, поговаривают, что образование нынче не то.

– Дело в том, Анна Александровна, что нынче по любому поводу что-нибудь да поговаривают. Тренд сезона. Ты что будешь?

– А чем здесь не отравят?

– Муж мой драгоценный, называет это кафе «Тараканьи бега». Должна признать, что не заслуженно. Черный юмор.

– Спасибо, что сказала мне об этом до обеда.

– Пожалуйста. Кофе?

– Латте?

– Ок. Иди, присаживайся.

Через пару минут Наташа подошла к столику с двумя чашками кофе.

– Ну, так что, дашь мне интервью?

– Так ты расскажи, чего, как, зачем, почему?

– Во-первых, я тебе скажу пару слов про издание. Оно появилось, как альтернатива сегодняшнему глянцу. Мы тоже рассказываем интересные истории о людях, но принципиально о малоизвестных людях. То есть люди эти тоже выдающиеся, и у них есть чему учиться, они умные, талантливые, и сложные, конечно. Но известные строго узкому кругу людей.

– А что такое? Наши «звезды» вам чем-то не угодили?

– Не они лично, а то, сколько теперь о них говорят. Ну, скажем, случилось с кем-то развестись или родить пятерых детей, или в кино хорошем сняться, или получить от мужа по морде, так эту историю по всем каналам и изданиям на сто раз выстирают и прополощут. Нет их понять, конечно, можно, мало кто смотрит или читает про «никому не известных». К тому же сегодня один информационный повод для всех историй.

– И какой?

– Реклама чего-либо. Выходит фильм по ТВ или в кинотеатре и его актеро-режиссеров тащут во все программы и издания.

– А вы, значит, пошли по сложному пути?

– Мы хотим писать и говорить о людях не потому, что их фейс сегодня самый кассовый, а потому, что они удивительны, а их истории действительно заслуживают внимания.

– И всё же я то тебе зачем?

– Затем что ты интересная, классная, талантливая и теперь ещё и очень стройная.

– Чего? Ты собралась рассказывать о моём волшебном похудении? Ань, не смехи. Я похудела всего на 7 килограммов и то три года перед этим страшно ленилась и уговаривала себя тем, что мне и так не плохо. Тоже мне героиня.

– Помнишь, когда то мы сидели на нашей студийной кухне, пили чай и рассказывали о том, кто как когда и на сколько худел?

– Смутно.

– Ты тогда была юна, стройна и умна не по годам.

– Спорно.

– И ты долго рассказывала о разных диетах, каких-то правилах питания. Что нужно есть, сколько и в какое время. Так вот я тебе тогда не поверила и даже вслух усомнилась.

– Это помню.

– И ты повела нас к своему компьютеру и показала фотографии, что называется «до». Помнишь?

– Ага. Помню ваши лица.

– Именно. Свое изумление и восхищение тобой я помню до сих пор. У меня и сейчас мурашки бегут. Смотри...

Аня задрала рукав и протянула Наташе свою руку.

– Ну, растрогала. И теперь ты хочешь, чтобы все покрылись мурашками?

– А почему нет? Но я хочу рассказать не ту историю, а то, как ты худела сейчас. После родов.

– Если честно, мне иногда кажется, что вся моя жизнь война с булками и боками. Когда-то мне думалось, что надо только раз похудеть, а потом просто держать себя в форме. Но нет.

– Сколько раз ты глобально худела?

– Если с самого детства, то первый раз где-то в 11—12 лет. Потом 19—20, потом в 23 после родов, но это было самое легкое мое похудение. А потом в 27, почти через три года после того, как перестала кормить ребенка. И это было одно

из самых сложных «похудений». Хотя, конечно, мой «лишний» вес был очень относительный. Двухцентнеровые дамы смеялись бы мне в лицо.

– Так это и сложнее худеть, когда мало лишнего. Во-первых, физиологически, я тоже кое-что знаю об этом. Во-вторых, психологически, Двухцентнеровые дамы, как ты говоришь, не сомневаются, вероятно, в том, что им пора расстаться с булками. А как в весе 55 килограмм прийти к этому?

– Вот оттуда и три года почти. Два с половиной точно. Я закончила кормить ребенка и буквально за месяц вернулись три килограмма, а потом так же быстро, еще два.

– Казалось бы, пять килограмм, мелочь какая. А почему так сложно тогда? Это пара месяцев всего строгого контроля.

– Ты знаешь, Ань, у меня был непростой моральный период, я перерождалась. Я внутренне себя очень здорово перелопатила за то время, и это не могло не сказаться на внешности. Так случилось, что еда на какое-то время стала самым доступным источником удовольствия. Пришлось сначала обрести душевное равновесие, а потом взяться за бока и булки.

– И ты молодец, сегодня результат ошеломительный и попробуй, скажи, что это не так.

– Да, так, наверное. Только я не очень понимаю, зачем широкой аудитории знать именно про мои бока и булки?

– Слушай, ты мне веришь?

– Чуть-чуть.

– Просто дай мне руку и сделай шаг вперед. Ладно?

– То есть, как приличный человек времени подумать ты мне не дашь?

– А надо?

– Ну, ты же приличный человек.

– Я то приличный, но времени не дам. Зато даю гарантию, что все будет в лучшем виде и ты еще мне скажешь спасибо.

– Да? Давай попробуем, но у меня будет возможность в любой момент сказать «стоп»?

– Давай договоримся, мы встретимся в каком-то хорошем месте, поговорим, сделаем несколько снимков. Потом я напишу материал, дам тебе его прочитать, и тогда ты скажешь своё окончательное «да» или «нет». Хорошо?

– Ещё и портреты будут?

– Конечно. У нас очень профессиональный фотограф. Ты его снимки запомнишь на всю жизнь.

– Анька, ну ты, конечно, сказочница, придумала.

– Ну, что давай руку и вперёд?

– Я надеюсь провокаций и полубоужённых снимков не будет?

– Наташа, давай я тебе дам выпуск журнала. Это последний, кажется. Ты его прочитаешь и поймёшь, в каком стиле мы работаем. Никакой желтухи, мокрухи и так далее. Все красиво, по-настоящему, с душой. Всё как ты любишь.

– Да, давай.

– Ну, всё, тогда, на связи. Тебе куда писать-звонить лучше?

– В ФБ давай, как обычно.

– Хорошо. Тогда я буду ставить нашу встречу в план. Ещё посоветуемся с редакторами, куда тебя потащить лучше и буду тебе отписывать, как и чего у нас. Ладно?

– Договорились.

– А кофе вкусный, кстати! И без тараканов.

Они рассмеялись, приобняли друг друга на прощание и разошлись. Наташа торопливо зашагала к лифту, поняла, что непростительно много времени потратила на встречу.

«Как интересно – подумала она. Какие, действительно, глупости отнимают у нас уйму времени. Кому-то мои булочки и бока покажутся настоящей ерундой. В то время, как человечество решает глобальные задачи, я тут закусываю бутербродом надуманные депрессии. Неловко как-то. Но похудение – это, точно моя тема. И здесь она меня настигла. А папа как-то приятно сказал, когда я сбросила что-то около семи килограмм: „оставайся такой!“ – и в этом была невероятная нежность».

Из тюрьмы он вернулся зимой. Это случилось неожиданно. Наташа со старшей сестрой были дома, когда одна из них спросила через дверь «Кто там?» обеим показалось, что это приехал его брат. Но это был отец. Тощий, озлобленный и ка-

кой-то чужой. Уже взрослой Наташа пыталась представить его ощущения тогда. Как же горько ему пришлось. Потом он рассказывал, что в 90-х в тюрьме было жутко. Ему, к сожалению, было с чем сравнить.

Он зашел в дом. Первым делом пошел на кухню. Жрать. Наташа позвонила маме на работу. Та велела не рассказывать отцу о её похождениях. Вечером они встретились, пообщались очень спокойно. Отец, конечно, притих. Казалось, он так устал, что готов согласиться со всем, лишь бы жить в мире. И мать ответила ему взаимностью. Наташа с сестрой как раз, кстати, разболелись. Вечером они, не сговариваясь, сжимали градусник сильнее, чтобы температура была выше, и родители поняли, что не время сейчас ссориться. Мать с отцом так здорово суетились вокруг них, с тревогой решали, как лечить детей. Это был настоящий мир. Полноценный, восстановленный из пепла. А через несколько дней девочки увидели, как родители целуются у себя в комнате. Так в их доме поселилось счастье. Наташа любила вспоминать, как потом они ходили в цирк все вместе, а папа вёл её за руку. Цирк она не запомнила, только папину теплую, уверенную руку. И всё было прощено и забыто. Всё было выжжено, и земля под ногами была девственна. Это было счастливое время, когда всё останавливалось, когда хотелось перестать дышать лишь бы этот миг замер на вечно. Так было всякий раз, когда отец переставал пить и неосторожно размахивать руками.

– Наташа, где ты ходишь?

– У меня была встреча. Что всё пропало, шеф?

– Да не все, просто у нас как всегда куча проблем, всё криво косо. Этот ещё со своей органзой. Хватит ему потакать. Художник, блин! Творить нужно строго по съёмочному плану, а не вопреки ему.

– Люсь, я ему сказала всё то же самое. Обещал больше не приглашать музу в нерабочее время.

– Пусть кого хочет приглашает только съёмки не срывает. У меня модели теперь два часа будут ждать. А потом съёмку до восьми задержим и всё потому, что месье художник вдруг решил!

– Люсенька Владимировна, но мы же знаем с тобой, что он прекрасный режиссер, и снимет он сегодня вовремя, и ролик потом будет шикарный, и продажи отличные. Да?

– Знаем, но ему не скажем! Дисциплина должна быть на площадке. Им дай волю, они завтра революцию устроят. Один придёт, скажет: «без 100 грамм к камере не подойду». Другой скажет, что может творить только после заката. А мы с тобой бегай, собирай этот пазл. Потом ещё перед менеджерами красней за просрочку и говно в кадре. Зато наши мастера довольны.

– Тихо, тихо. Ты чего? Всё же ровно. В конце концов, всегда есть мой драгоценный муж, который всё снимет быстро,

хорошо, и облегчит наше с тобой офисное существование.

– О, да! Дима – наше всё. Пойдём, что ли пообедаем?

– Я только что оттуда.

– Тогда сама. Я на телефоне, если что.

– Ага.

Наташа совсем перестала негодовать и сокрушаться. Ругать несовершенство системы или людей. Она слишком долго ждала, когда снова сможет встать на рельсы и помчаться по офисным просторам «как все». Не то, чтобы её очень смущало, что она не причастна больше к этому волшебному процессу, который случается ежедневно с девяти до пяти. Просто очень оказалась зависимой от творчества, от постоянной занятости и дела, которое бы требовало большИх вливаний труда, мозгов и эмоций. Оказалось, что это катастрофически важно, когда тебе кто-то звонит и что-то меняется в общем потоке дел, если ты вдруг отправляешься на больничнЫЙ.

«Я всё ещё здесь люди!» Наташе хотелось практически кричать последние месяцы в декрете. Она слишком долго ждала, пока он закончится. Первый год пролетел на одном дыхании. После рождения малышки, в их доме поселилась настоящая гармония. Наташа с удовольствием гуляла, играла, занималась, успевала сделать все домашние дела, тоннами читала и слушала книги. Им было хорошо. А потом пришло время, когда сосуд нужно было наполнять и ещё чем-то. Наташа снова стала писать, придумывать, пробовать, рабо-

тать. Но после череды неудач смирилась с тем, что её новые роли жены и мамы затмили все остальные. И только тогда, когда она в этом новом для себя состоянии научилась радоваться жизни, случилось всё, чего она ждала. Теперь с девяти до пяти Наташа страшно востребована, а телефон иногда нагревается до температуры близкой к максимальной. И это здорово. Наташа перестала сокрушаться и негодовать, потому что знает, что тишина доставляет удовольствие только первые десять минут.

– Привет! – сказала Наташа мужу.

– Привет Натуся. – он на секунду отвлекся от съёмки и ответил ей.

– Как ты?

– Хорошо всё. А ты?

– И я. Суета сегодня. За Лизой идешь?

– Да. Уже выхожу.

В детский сад за ребенком Наташа всегда выходила пораньше. Результат странных детских воспоминаний. Как же всё-таки странно устроена память.

Наташа всё время пыталась вспомнить, как ходила в детский сад, какие были друзья, что делали, ели, во что играли. Но память сохранила эти несколько лет детской жизни лишь фрагментами. На часах было прилично за семь. Наташа и её воспитательница вышли из группы, сели на лавоч-

ку около сада и ждали мать. Она приехала с какими-то мужиками на машине, пьяная. Весёлая и беззаботная. Извинилась, забрала Наташу, и они поехали к ним домой веселиться дальше. Это было ужасно больно. Она не задержалась на работе, она не была у доктора, у неё не было уважительной причины для опоздания в сад. Одинокiй ребенок сидел на скамейке и ждал. Весь мир видел, что матери этой девочки важнее малознакомые мужики и вино, веселье и пустота. Наташа пыталась договориться и с этим фрагментом своей странной памяти. Выжечь его, объяснить, оправдать мать, но ничего не вышло. Она лишь попыталась исправить ошибку несовершенной женщины уже в своей взрослой жизни. Наташа всегда забирала ребенка пораньше, на всякий случай. И никогда не приходила в детский сад с запахом алкоголя. Никогда.

Наташа обожала тишину. Настоящую, живую. Когда муж бороздит просторы он-лайна, ребёнок тихо сопит в своей кроватке, а чистая посуда дремлет в шкафу. Когда все и всё на своих местах, когда можно, наконец, выдохнуть и погрузиться в себя. Наташа включила компьютер, проверила почту. Среди множества рекламных писем и пустых сообщений она увидела весточку от Ани Шабановой. «Привет, моя дорогая! Страшно рада была тебя видеть сегодня. А еще больше рада тому, что сделаю материал о тебе. Какое-то необычное предчувствие у меня на этот счёт. Ох, что-то бу-

дет. Предлагаю нашу встречу назначить на послезавтра. Время можешь выбрать сама. С нетерпением жду твоего ответа и этого интервью. Будет здорово. Да, кстати, общаться будем в шикарном салоне интерьеров. Локации там просто сказочные. И фотограф с нами будет лучший из лучших. Всё для тебя, моя дорогая.»

Наташа не ожидала, что всё случится так скоро. Это предложение приятельницы совершенно обездвижило её. Разве можно так запросто рассказывать о себе на страницах журнала? Хвалиться сомнительными достижениями. Которые, кстати, достижениями то можно назвать с большой натяжкой. А людям? Людям то это зачем? Не звезда же она, в конце концов. Однако, внутренние ощущения настаивали на том, что ей необходимо расслабиться и пуститься по течению событий.

Так странно, но к почти тридцати годам Наташа так и не научилась верить в себя, разрешать восхищаться собой и адекватно реагировать на комплементы. Так случилось, что в детстве она была немножечко в тени. Старшая сестра всегда была красивее, умнее, стройнее и востребованнее. Не то, чтобы кто-то специально выделял её и ущемлял Наташу, это складывалось как-то само собой. Так распорядилась природа. Наташа хорошо понимала, что для того, чтобы услышать слова восхищения ей нужно серьезно постараться. И она это делала. К примеру, в 9 лет убедила всех одноклассников, что им просто необходим глава класса. Провела аги-

тацию, а затем и сами выборы. И, «о чудо!», главой класса выбрали Наташу. Это было забавно, но скучновато, поскольку никто из её одноклассников не противостоял, не задавал вопросов, все подчинились молча. Наташе добыча казалась слишком легкой. Зато так она поняла, что для того, чтобы действительно увлечь нужно доставать что-то из себя. Мало зайти, показаться, улыбнуться, это слишком быстро и дешево. Всё, что дала природа по сути ничего не стоит. По-настоящему важно то, что произвел сам человек. Как воспитал себя, как изменился после каких-либо событий, что-то придумал и создал путем долгих стараний. Важно всё, что рождалось с усилием. В том числе и фигура, которая появилась от продуманного питания и занятий спортом, а не от папы с мамой.

К двадцати с хвостиком Наташа была твердо убеждена, что эволюция – это сила. Работа над собой – вот настоящее счастье. Признание себя, совершенствование хорошего и искоренение дурного – вот путь к успеху. И какого же было её удивление, когда сестра, которая кстати долгое время была настоящим кумиром для Наташи, однажды, на полном серьёзе сказала: «я такая, какая есть, и не буду меняться. Моя сила в том, что я долгие годы остаюсь одинаковой». Наташа негодовала: «то есть как? Лет в 17, скажем, была ты наивная дурочка, которая всем и всегда говорила всё, что думала и получала за это. Потом анализировала, прокручивала ситуации и из месяца в месяц становилась умнее, сдержаннее,

и как следствие успешнее. Годам к 27 стала гораздо лучше. Это разве плохо? Это разве не достижение? Это разве не заслуживает похвалы, хотя бы только твоей. То есть вышла замуж в двадцать с хвостиком, разрушила брак из-за собственной глупости, оставила ребенка без отца и „не сошлись характером“? Значит, родилась импульсивной глупышкой, так ей и нужно оставаться до 87 лет, чтобы уйти из жизни с высокоподнятой головой „я всю жизнь оставалось одинаковой!“? То есть это достижение плыть рыбкой по морю жизни? Стукнуло об камешек, глазки закатила, поплакала минуту и дальше поплыла. Невозможно. А с детьми как же? Скажем, с каждым новым ОРЗ не нужно становиться опытнее? Делать выводы из прошлых действий, чтобы в следующий раз справиться с кашлем и насморком быстрее? Что же жизнь тогда? Не путь ли от самого к себе, от обнаженного и непутевого к опытному, мудрому и сдержанному?»

Со временем Наташа убедилась в своих ощущениях. Счастлив тот, кто идёт вперед. Счастлив тот, кто иногда умеет замолчать. Счастлив тот, кто бережет своих близких.

– Привет, малышка!

– Привет, Анечка!

– Письмо получила?

– Да, конечно!

– И что скажешь? Мы завтра увидимся?

– Да, завтра как раз очень спокойный день. Так что я с чистой совестью убегу с работы.

– Вот и отлично. Значит, я пришлю тебе схему проезда к салону интерьеров, в котором мы будем общаться и вызываю лист. Жду при жду.

– Да, и я! До встречи, моя дорогая.

Наташа выключила телефон, и вернулась к работе.

– Как дела?

Муж подошел как всегда бесшумно.

– Димка напугал.

– Извини. Обед?

– Это с удовольствием. Ты подождешь пару минут? Мне нужно досмотреть сценарий.

– Да, без проблем. Позвонишь.

– Ок.

Наташа дочитала сценарий, внесла в него пару незначительных изменений, закрыла все активные окна, бросила телефон в карман и вышла из кабинета. Муж ждал её неподалеку.

– Идём?

– Да.

– Ну, как ты?

– Я хорошо, котик. Мне предложили дать интервью для журнала.

– Да ты что? Для какого?

– «Сложные люди».

– О! Это про нас!

– Очень смешно!

Они вызвали лифт.

– И что ты будешь им рассказывать?

– Как задорно и увлекательно жить со сложными людьми в одной квартире.

– 1:1. А серьезно?

– Это Анька Шабанова предложила. Она там сейчас работает. Хочет написать материал обо мне. Точнее о моём чудесном превращении в дюймовочку.

– Про твои диеты?

– Ну, диеты, совершенно не мои, они общеизвестные. Просто я ими успешно воспользовалась и теперь видимо с этим чудом попаду в историю.

– Это же замечательно.

– Замечательно. Но я все ещё сомневаюсь.

– Почему?

– Потому что буду думать над каждым словом, над каждым снимком. Чтоб не пуститься в слишком откровенный рассказ. Начну там все козыри выкладывать, а ты потом меня убьёшь.

– А ты не выкладывай.

– Да не буду. Ты будешь читать интервью?

– Обязательно.

– И будешь ругать меня потом?

– Почему я должен тебя ругать?

– Потому что ты всегда меня ругаешь. Фотографии в социальных сетях размещать нельзя, писать ничего тоже. Общественный хиджаб.

– Да, размещай ты что хочешь!

– Вот видишь ты уже нервничаешь. Я просто хочу чувствовать себя свободно, чтобы у меня не было внутренних зажимов. Чтобы я не оглядывалась, а просто делала то, что мне хочется.

– А ты не делаешь?

– Нет.

– Слушай, Наташа, хватит делать из меня домашнего тирана. Ты можешь делать всё, что захочешь. Тебе нужна обнаженная фотосессия? Ты за это что ли переживаешь?

– Да причем тут это? Просто я хочу, чтобы ты мне пообещал, что ты всё поймешь, спокойно отреагируешь на все мои слова. Если вдруг что-то пойдет в разрез с твоим сознанием, ты будешь терпим. Я почему-то хочу дать это интервью. То есть сначала не хотела, а теперь хочу. Я что-то по этому поводу чувствую.

– Ты что будешь?

– Суп, наверное. А ты?

– Я суп и какое-то мясо.

– Давай курицу.

– А гарнир?

– Я не буду. Возьмешь тогда? Я пойду за столик.

– Да. Салфетки прихвати!

Место, в котором была назначена съемка, Наташа нашла без труда. Её день вообще подозрительно ровно складывался. Ни единой раздражающей мелочи, ни сбоя, ни огорчения. Даже время шло так, как ей хотелось. Стрелки замедлялись, если она опаздывала и ускорялись, когда Наташе не слишком хотелось ждать. Она распахнула дверь в салон интерьеров. Колокольчик зазвонил так неожиданно, что казалось, удивился сам себе. Внутри было несколько человек. Они обернулись и поздоровались. Наташа неуверенно кивнула и как-то слишком тихо сказала: «Доброе утро.» Хорошо, что она приехала пораньше. Будет время привыкаться к месту и его обитателям. Наташа не любила незнакомых людей и странств. Они мешали ей думать и действовать в привычном режиме. Она вообще не любила сбоев в устоявшемся сценарии. Ей нравилось доводить процессы до автоматизма и получать удовольствие от размеренности.

– Здравствуйте.

– Да. Доброе утро.

– Меня зовут Кирилл. Я сегодня – ваш фотограф.

– О! Здорово. Я думала здесь только местные сотрудники.

Очень приятно с вами познакомиться. Я – Наташа. Сегодня – ваша неидеальная модель.

– Это и замечательно.

– То есть?

– У нас же журнал про обычных людей. Думаю, вам уже говорили об этом. У нас всё ни как в типичном глянце. Нестандартные герои, их истории и фото тоже не шаблонные. Поэтому ваша модельная неопытность скорее плюс, чем минус. Кофе будете?

– Нет. Нет. Спасибо. Я дома...

– Не стесняйтесь. Я специально для вас купил. Латте? Я не ошибся?

– Спасибо. Приятно. Откуда вы...?

– Сам не знаю. Интуиция. Я вас оставлю. У меня ещё свет не совсем готов.

– Да. Да. Спасибо еще раз.

Фотограф двинулся в сторону «американской гостиной», Наташа проводила его взглядом, откинулась в кресле и погрузилась в пока ещё сонные мысли. «*О чём же я буду вещать сегодня?*» Наташа изо всех сил пыталась подготовиться к интервью, но всё время что-нибудь отвлекало. То нужно было сосредоточиться на дороге и поиске локации. То вокруг оказывалось слишком много интересного и внимание фокусировалось не внутри, а снаружи.

– Наташенька, дорогая! Давно ждешь?

– Нет. Я недавно. Привет. Меня уже и кофе угостили.

– А, да? Кирилл? Он как всегда очень внимательный. Замечательный фотограф. И человек просто фантастический. Ну как? Готова к интервью?

– Как тебе сказать?

– Ладно. Расслабься. Всё будет хорошо. Никаких каверзных вопросов. И готовое интервью перед печатью ты обязательно прочтёшь. Комментарии и правки учтём пренебрежительно. Ок?

– Да, конечно.

– Тогда в бой. Допиваем кофе, выдыхаем и начинаем. Пошла раздеваться.

– Ты сейчас довольна своим весом?

– В целом, да. Но это всегда под контролем. Я из тех, кто съедает вечером лишние 200 граммов, а поправляется на следующий день на 2 кг.

– И сколько сейчас твой вес? Или это некорректный вопрос?

– Вопрос обычный. Я всегда легко называю свой вес, даже если он пересекает критическую отметку.

– Удивительно. Обычно дамы, если и говорят откровенно на эту тему, то как минимум, приуменьшая цифры.

– Я стараюсь весить столько, чтобы не было стыдно в первую очередь перед самой собой. А тогда и другим называть свой вес можно. К тому же пока не взглянешь правде в глаза, не осознаешь действительность, никаких результатов не будет.

– На сколько ты худела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.